

как правило, основное внимание изложению фактического материала по сравнительной анатомии, эмбриологии, палеонтологии, доказывающего симиальную теорию происхождения человека, и лишь попутно затрагивает другие вопросы антропогенеза. Рецензируемая лекция заполняет этот пробел. Как оговорено в лекции, в ее задачу не входило рассмотрение процесса антропогенеза в целом; она ограничивается изложением некоторых новых теорий по проблеме происхождения человека в его древнейшей форме. Вопросам, связанным с последующими этапами человеческой эволюции, Я. Я. Рогинский посвятил отдельную лекцию, которая составит прямое продолжение рецензируемой.

Рассматриваемая лекция состоит из нескольких глав. В первой главе («Краткая история вопроса») автор излагает основные направления в разрешении проблемы антропогенеза и показывает, что правильное ее разрешение было дано лишь Марксом и Энгельсом в принципе разрыва постепенности развития животного мира. Вторая глава рассматривает «разногласия в вопросе о генеалогии человека». Автор аргументирует новыми данными симиальную теорию и подвергает резкой критике наиболее популярные в современной антропологии антисимиальные теории: так называемую теорию Вуд-Джонса, «теорию» о человеке как прамлекопитающем и др. Остро и убедительно звучат те строки, в которых говорится о кризисе теоретической мысли, наступившем в зарубежной науке. Говоря о разногласиях в среде сторонников симиальной теории, автор, как и в предыдущем разделе, опирается в основном на материалы советских ученых. Третья глава носит название «Гипотеза о «древесной стадии» в эволюции предков человека». Автор аргументирует эту гипотезу опять-таки в основном на материалах советских ученых (в том числе и неопубликованных) и в достаточно популярной форме вводит читателя в круг самых сложных и актуальных вопросов о датировке древесной стадии и связанных с ними вопросов о геологическом возрасте австралопитека и др. В главе, посвященной вопросу о прародине человека, автор оперирует новейшими данными и подробно (насколько это возможно в популярной лекции) излагает их.

Наиболее интересной и оригинальной является глава, посвященная факторам происхождения человека. В ней автор подвергает критике идеалистические теории «ористогенеза», «ортогенеза» и др. и, исходя из позиций диалектического материализма, выясняет те противоречия, которые лежали в основе процесса антропогенеза. «В ходе эволюции человека изменялись, — пишет автор, — не только анатомические особенности людей, менялась роль самих факторов эволюции. Отбор создавал формы, которые обладали способностью объединяться в производственные коллективы и тем самым уходило от власти отбора. Появилось существо, которое самым фактом своей общественной жизни и производства орудий труда как бы вступало в борьбу с биологической борьбой за существование. Необходимость переменить древесную жизнь и стать наземным животным поставила предка человека перед тяжелой задачей. Возникло противоречие между слабой природной вооруженностью этого высшего примата и грозными опасностями, которые подстерегали его на каждом шагу. Отсутствие в достаточном количестве растительной пищи заставило его перейти на полухищное питание. Но природа не наделила его зубами хищника. Названные противоречия в конечном итоге привели наших предков к изготовлению орудий из камня с острым режущим или рубящим краем, а также к использованию огня. Тем самым открывался новый, человеческий путь развития» (стр. 30). Эта глава, несмотря на свою краткость, имеет самостоятельное научное значение. К сожалению, из-за краткости изложения столь сложной проблемы популярность несколько пострадала.

Лекция Я. Я. Рогинского рассчитана на широкого читателя, знакомого, правда, по имеющимся книгам с фактическим материалом по данной теме. Но она будет интересна и для более узкого круга специалистов, в том числе и для историков первобытного общества.

М. Левин

Abram Kardiner, with the collaboration of Ralph Linton, Cora Du Bois, James West. *The Psychological Frontiers of Society*, New York, 1946, XXIV + 475.

Рецензируемая книга представляет собой яркий пример того, как, отвергая на словах немецкий расизм, американские этнографы на деле проповедуют тот же расизм, только в несколько измененной форме.

Автор — психолог по профессии — ставит себе целью выяснить «психологический профиль», или, если употреблять предложенный им и Линтоном специальный термин, «основную личность» трех обществ: североамериканских индейцев племени команчей, индонезийцев острова Алор и белых американцев города Плейнвилль (вымышленное название небольшого города, находящегося, примерно, в центре США). Он стремится показать, каким образом эта «основная личность», свойственная, как он утверждает,

всем или почти всем членам данного общества, формируется в узких пределах индивидуальной семьи (состоящей из матери, отца, старших и младших братьев и сестер). Наконец, он стремится показать, как эта «основная личность», сформировавшись и выйдя из узких пределов индивидуальной семьи, «проецирует себя» на окружающую среду (т. е. на природу и на других членов своего общества), заставляя индивидуума, которому она свойственна, и общество (которое является для автора лишь арифметической суммой индивидуумов) создавать социальные институты, религиозные представления, фольклор и т. д., т. е. всю культуру, за исключением так называемых «первичных институтов», в число которых автор включает кормление ребенка грудью, уход за ним, систему поощрений и наказаний ребенка и т. п. О том, как возникли сами «первичные институты», автор не говорит. «Часто возникает вопрос,— пишет он,— о происхождении первичных институтов. На этот вопрос ответить невозможно» (стр. 25). Этот вопрос автора и не интересует. «Первичный институт,— пишет он,— понимается как то, откуда берет свое начало индивидуум, но не культура. Происхождение института не имеет ничего общего с тем влиянием, которое этот институт оказывает на растущего индивидуума» (там же). Иными словами, «первичные институты» сами по себе не входят в круг интересов автора. Он берет их как нечто данное.

Книга включает в себя, если не считать предисловия, написанного Ральфом Линтоном, и введения,— 14 глав. Две главы автор посвящает вопросам методологии: «Психология и наука об обществе» и «Техника психодинамического анализа». Затем идет описание культуры команчей и анализ ее (III и IV главы). Эти главы не имеют в данной книге самостоятельного значения и служат лишь для того, чтобы подготовить читателя к последующим. Главы V—IX посвящены туземцам острова Амор, X—XIII — жителям города Плейнвилль и XIV — общим выводам автора из рассмотренного материала.

Центральное понятие автора — «основная личность» (basic personality) покоится, как пишет в предисловии Ральф Линтон, на следующих предпосылках: 1) события, пережитые человеком в раннем детстве, то-есть в возрасте до 5 лет, оказывают решающее влияние на его личность; 2) одинаковые события, пережитые индивидуумами в этот период их жизни, имеют тенденцию создавать в этих индивидуумах одинаковые «конфигурации личности»; 3) способ воспитания ребенка определяется культурой и является, если не идентичным, то сходным во всех семьях, живущих в одном обществе; 4) способ воспитания ребенка в разных обществах различен. «Если эти постулаты правильны...— продолжает Линтон,— то отсюда следует: 1) что члены какого-либо данного общества будут иметь много одинаковых элементов раннего опыта; 2) что, как результат этого, они будут иметь много одинаковых элементов личности; 3) что, поскольку ранний опыт индивидуумов в разных обществах различен, настолько нормы личности в разных обществах также будут различными». И далее: «Основная личность какого-либо общества — это та конфигурация личности, которая присуща подавляющему большинству членов общества, как следствие их одинакового раннего опыта» (стр. VII—VIII).

Происхождение «первичных институтов», определяющих «ранний опыт» детей столь же мало интересует Линтона, сколь и происхождение всех других институтов. Для Линтона, хотя он и этнограф по профессии, главное не культура, а личность. Он интересуется, главным образом, тем, как формируется «основная личность» под воздействием культуры. Автор рецензируемой книги подходит к делу иначе. Для него, хотя он и психолог, главное не личность, а культура.

Под влиянием «первичных институтов», по мнению автора, в ребенке создаются определенные психологические комплексы (nuclear constellations), которые, в их определенной взаимосвязи, или «конфигурации», образуют собой то, что автор далеко не в полном согласии с Линтоном называет «основной личностью». Но этот процесс формирования «основной личности» не является для автора главным полем исследования. Автор не столько выводит «основную личность» из этого процесса, сколько заранее ее постулирует, конкретные же факты, которые он при этом приводит, могут иметь значение в лучшем случае как иллюстрации, но совершенно неубедительны как аргументы. Главная проблема для автора это проблема возникновения различных институтов «проективного» происхождения, т. е. проблема выведения различных явлений культуры из того или иного психологического комплекса, входящего в «основную личность». Например, из психологического комплекса «ненависть к матери», который создается, по мнению автора, еще в период кормления ребенка грудью, автор выводит недоверие мужчинам по отношению к женщинам, непрочность браков, частые случаи разводов и т. д. Из комплекса «послушание отцу» автор выводит, например, представление о сверхъестественном сильном существе и связывает с этим комплексом даже научное понятие о естественном законе. Проблема возникновения различных явлений культуры из того или иного психологического комплекса отражена и в названии книги «The psychological Frontiers of Society», которое можно перевести (если опустить несколько вычурное значение слова frontiers, связанное с теорией «фронтьерсменов») следующим образом: «Психологические комплексы, создающие культуру» (термин «общество» автор употребляет или в значении суммы индивидуумов, см. стр. 415, или, как в данном случае, как синоним термина «культура»). Название первой его книги «The Individual and his Society», 1939, также может быть переведено как «Индивидуум и его культура»).

Таковы предпосылки автора. Имеет смысл сразу же выяснить, для чего понадобился ему эти предпосылки, явно неприемлемые с научной точки зрения; под какую (несомненно, заранее сложившуюся) «теорию» подводит он этот псевдонаучный фундамент, и потом уже посмотреть, как в свете своей «теории» трактует он те или иные конкретные культуры.

В последней главе, названной «Основная личность и история», автор утверждает, что прежде чем писать историю «нужно знать, каков вид того человеческого существа, чьи судьбы мы описываем». Нужно знать «основную личность», «психологический профиль» интересующего нас народа. Недостаточно описать те или иные исторические события, объектом которых был данный народ, нужно еще показать, как реагировала на них «основная личность» этого народа, какие изменения произвели эти исторические события в «конфигурации» этой «основной личности», и, как следствие этого, в культуре народа. Ибо на одни и те же исторические события народы, имеющие разные культуры, реагируют по-разному. «Мы можем предполагать с полной уверенностью,— пишет автор,— что история туземцев острова Алор была бы отличной от истории команчей, даже если бы и те и другие были объектами одних и тех же исторических судеб, потому что каждая из этих культур характеризуется различными жизненными целями и ценностями» (стр. 414). Автор, далее, утверждает что каковы бы ни были выводы историка, «они должны исходить из тех признаков основной личности, которые остались относительно постоянными». Таким образом, «основная личность», по мнению автора, ни в коей мере не является результатом истории; она сама определяет историю или, во всяком случае, дает ей направление, оставаясь при этом постоянной, вечной, внеисторической категорией. Автор утверждает, например, что на всем протяжении 4-тысячелетней письменной истории «основная личность» «западного» общества не изменилась. «Если бы,— пишет он,— в наших основных институтах не осталось ничего постоянного, кроме патриархально ориентированной многоамной семейной единицы, с хорошей заботой отца и рядом дисциплин, применяемых к ребенку, то и тогда мы можем предполагать, что определенные признаки основной личности оставались постоянными». То же самое, естественно, автор говорит и о других обществах, других народах. Каждый народ имеет свой «психологический профиль», свою «основную личность», которые, будучи сами внеисторическими категориями, определяют всю его прошлую, настоящую и будущую историю.

Критику биологической «теории» расизма автор предпринимает, побуждаемый причинами не столько научного, сколько политического характера. С научной точки зрения эта «рабочая гипотеза», как он ее называет, так же приемлема для него, как и всякая другая. Но с политической точки зрения она для него совершенно неприемлема, ибо эта «рабочая гипотеза», как он пишет, «предполагает оценочные суждения, вроде «высшая» и «низшая» (раса), на которых не может быть основан никакой разумный план социального действия» (стр. XV). Биологическая «теория» расизма, как это явствует из слов автора, настолько скомпрометировала себя, что вряд ли можно рассчитывать сейчас сбыть ее на политическом рынке. Поэтому автор предлагает другую «теорию», которая, из соображений политического порядка, представляется ему более подходящей. Биологическая «теория» расизма раз и навсегда объявляя те или иные (в зависимости от политической ситуации) народы «культурно-неполноценными» и единственный способ разрешения «проблемы» видела в уничтожении этих народов. «Теория», предлагаемая автором, предоставляет тем или иным (в зависимости от политической же ситуации) «культурно-неполноценным» народам возможность исправить свое «поведение» (behavior), приспособить (adjustment) свою культуру к существующим условиям внешней среды. Все люди биологически едины, утверждает автор, обладают одинаковыми биологическими признаками. Различия между культурами разных народов объясняются не биологическими различиями этих народов, а их психологическими различиями, тем, что они имеют различные «основные личности». Достаточно поэтому изменить метод воспитания детей, особенно в период их раннего детства, когда формируется «основная личность» народа, и это повлечет за собою изменение всей культуры народа, всех его социальных и религиозных институтов. Но, предупреждает автор, сам народ не в состоянии что-либо изменить в методе формирования своей «основной личности». «Пытаться сделать это, пишет он, все равно, что пытаться поднять себя за шкурки сапог». Народу остается, таким образом, выбирать одно из двух: либо навсегда остаться со своей «плохо ориентированной», «недостаточно приспособленной» культурой, либо попросить «помощи» у другого народа, культура которого «хорошо ориентирована». Критиковать культуру одного народа и изменять ее может только другой народ.

Нетрудно догадаться, что как бы ни выглядела подобного рода «теория», автор ее должен прежде всего пытаться так или иначе доказывать, что народ сам не может изменить свой «психологический профиль», свою «основную личность». В этом — политическая направленность «теории» и в этом же основная задача, которую должен разрешить ее автор. Он вынужден, вопреки совершенно бесспорным фактам, доказывать, что формирование «основной личности» происходит под влиянием процессов, в которых сознательная воля людей не играет никакой роли. Для этой цели он делает целый ряд совершенно произвольных допущений, или, как предпочитает называть их Линтон, «постулатов». Автор утверждает, что в формировании «основной личности» человека участвуют только психофизиологические факторы. Отсюда не надо делать шага, чтобы утверждать, как это делает автор, что формирование «основной

личности» человека заканчивается в основном в тот момент, когда человек едва-едва достигает пятилетнего возраста.

«Нас могут обвинить,— пишет автор,— в том, что мы не учитываем другие очень важные источники «обучения», которые играют заметную роль... Имеется большое количество данных, сообщаемых ребенку путем прямого внушения. К этой группе относятся все данные о внешнем мире, о том, как нужно подходить к нему, об отношениях человека к внешнему миру и о нормах, которые определяют отношения между людьми. Эти системы вводятся сознательно, многое в их содержании демонстрируется тем или иным образом и в ряде примеров является изменчивым. Наличие этой категории «выученных» систем привносит с собой неизбежную трудность» (стр. 30). Автор, однако, довольно легко справляется с этой «неизбежной трудностью». Он утверждает, что путем прямого обучения воспринимаются только те «системы», которые не противостоят «проективным системам», т. е. бессознательным, сложившимся в раннем детстве. В противном случае между двумя видами «систем» начинается борьба, исход которой, по мнению автора, всегда предreshен в пользу «проективных систем». Ибо, во-первых, отказаться от «проективных систем» индивидуум не может ни в коем случае и, во-вторых, они «менее всего способны к изменению» (стр. 35). Отсюда обращение автора к психоанализу Фрейда, как методу изучения «основной личности». «Единственной психологией,— пишет он,— которая может быть применена к этим проблемам с какой-либо надеждой на успех, является психоанализ» (стр. 22). Весьма показательно при этом, что автор обращается чаще всего не столько к психоанализу, сколько к аналитической психологии Юнга, с ее «коллективным бессознательным». Однако в его книге нет ни одного упоминания о Юнге. Автор отказывается от своего непосредственного предшественника, убежденного расиста, но отказывается только на словах, а не на деле.

Увлечение психоанализом, «глубинной психологией» представляет собой в США глубоко реакционное явление. Основой психологических процессов, происходящих в личности, объявляется подсознательное. Общество рассматривается как арифметическая сумма личностей, и на этом «основании» подсознательное объявляется также основой и социальных процессов. Корень всех зол, уверяют американские психологи и социологи, в подсознательном. Достаточно «исправить» подсознательное, и все социальные неполадки исчезнут. Сделать это можно якобы путем изучения сумасшедших, алкоголиков и т. п., у которых подсознательное выступает в его «чистом» виде, и, главным образом, путем психоанализа. Неудивительно поэтому, что свою «теорию» автор также связывает с психоанализом.

Перейдем к тому, как автор трактует конкретные факты в свете своей «теории». Как и следовало ожидать, он утверждает, что «основные положения легче продемонстрировать на «примитивных обществах», ибо там, по его мнению, «проективные системы остались в их первобытной чистоте» (стр. VIII). Приведем «анализ» личности туземца острова Алор, по имени Мангма, причем будем при случае ссылаться на книгу Кора Дю Буа «Люди острова Алор»¹, в которой этот анализ дан Карднером в более подробной форме, чем это имеет место в рецензируемой книге. В интересах объективности или, вернее, правдоподобия, мы будем излагать этот сюжет по возможности собственными словами автора.

Несколько слов необходимо сказать о том «методе», при помощи которого Кора Дю Буа собирала факты. Она беседовала с туземцами острова Алор при содействии переводчика, некоего Фантана, который имел к ней, как она пишет, «половой интерес». Кора Дю Буа беседовала с туземцами на темы главным образом сексуального характера, что, вероятно, еще более раздражало чувства Фантана, при посредстве которого она задавала туземцам свои вопросы и получала их ответы. Такова обстановка, которую вынуждена была создать Кора Дю Буа, чтобы собрать факты, нужные Карднеру. К великому разочарованию последнего, ей это не вполне удалось, ибо факты, даже в подобном рода искусственной обстановке, упрямая вещь. Поэтому Карднеру приходится «трактовать» факты, т. е. исказить их. «Когда я был еще очень мал,— говорит Мангма,— и не мог отчетливо говорить, я вспоминаю, было голодное время» (The People of Alor, 193). «Это означает,— пишет Карднер,— что он страдал от неадекватной заботы». «Мать и отец пошли в лес,— продолжает Мангма,— принесли корни диких бананов, мать толкла их в ступе, маленький кусочек упал через край, я взял его и съел». Карднер «анализирует»: «Ассоциация, которая может быть связана с этим мотивом голода, то-есть желание быть любимым своей матерью, выраженное в желании быть накормленным, не осуществляется. Поэтому он крадет то, что ему не было дано. Его отношение к матери остается отношением ненависти плюс глубокое подозрение, что она не желает ничего сделать для него, и просто желает его эксплуатировать» (там же, 230). После подобного рода «анализа» процесс формирования характера Мангмы рисуется автором следующим образом: мать плохо кормит ребенка и плохо о нем заботится; ребенок любит и в то же время ненавидит мать; когда он вырастает, он «проецирует» это амбивалентное, никакими «поздними опытами» не уничижаемое чувство на женщин вообще. «Это подтверждается,— пишет автор,— следующими фактами. Отношения между мужчинами и женщинами не являются хорошими. Имеется сильное взаимное недоверие... высокомерное отношение муж-

¹ Cora Du Bois, The People of Alor, New York, 1944. См. нашу рецензию на эту книгу в «Советской Этнографии», 1947; № 1, стр. 234—235.

чин к женщинам может иметь свое происхождение в этой бессознательной и глубоко подавленной ненависти к матери» (там же, 178). Ребенка мало учат ходить и говорить. «Это не развивает в нем предприимчивости к внешнему миру». Ребенка мало наказывают. Это ведет к «отсутствию чувства ответственности» и т. д. Но вот ребенку исполнилось 5 лет, «раннее детство» кончилось. «Мы проследили, — пишет автор, — первичные интеграционные единицы, которые позже войдут в жизненный цикл. Очевидно, однако, что личность еще не стабилизирована. Автор переходит к «анализу «позднего детства». Но «позднее детство» ничего не дает, «итоговые черты — те же». Ребенок превращается в юношу и готовится взять себе жену. «Чтобы оценить отношение юноши к жене, мы должны учесть те интеграционные системы, которые уже были сформированы до того, как он достиг пубертетета» (там же, 183—184). Наконец, Мангма — взрослый мужчина, и вот он попадает в подчинение к более сильному мужчине. По словам автора, это его подчиненное положение «является просто увлечением состояния детства» (стр. 185): Мангма постоянно претендует на большее, чем он может добиться. Автор пишет, что то же самое было и в его «самом раннем детстве». Таким образом, все черты характера Мангмы «выводятся отчетливо из плохой заботы матери в период его раннего детства». К этому остается только добавить, что *«весьного рода»* характер автор считает свойственным большинству туземцев острова Алор.

Автор, как это нетрудно видеть, не церемонится с туземцами острова Алор. Он дает каждому из «изученных» туземцев по меньшей мере оскорбительную характеристику, называя при этом их собственные имена. С жителями американского города он не решается, однако, проделывать что-либо подобное. Он понимает, что здесь нельзя с такой откровенной наглостью оболванить и оплевать человека и при этом указать на него пальцем. Поэтому название города — «Плейсвилль» — вымышленное, имена «изученных» жителей его не названы, и тот, кто «изучал» их, тоже не известен, потому что «Джемс Уэст» — это только псевдоним. Невольно создается впечатление, что читатель не исследовательский труд, а детективный роман.

Нас интересует в данном случае не «Джемс Уэст» и не «метод» его полевой работы, потому что и то и другое — просто определенная сумма долларов, вынутых Кардинером из своего кармана, чтобы купить нужные ему «факты» (Кардинер дал часть средств Кора Дю Буа для ее поездки на остров Алор, он же частично финансировал и исследование «Джемса Уэста»). Нас интересуют те «объекты изучения», которые продали свое человеческое достоинство, попросив при этом лишь не называть их имена. Жизнь каждого из них, будь это Джемс Л., или Уильям М., Элинор Л. или Рашель Р., — это сплошная сеть неудач. Достаточно прочесть биографию Джемса Л., который мечтал о богатстве, стремился к образованию как средству достижения богатства и «не добился ни того, ни другого», чтобы убедиться в этом. Между тем, Джемса Л. автор считает «средним, хорошо приспособленным индивидом».

Мы подходим теперь к решающему пункту «теории» автора. Он утверждает, что характер, например, Мангмы целиком обусловлен «плохой заботой матери в период его раннего детства». Возникает вопрос: чем обусловлена плохая забота матери о своем ребенке у туземцев острова Алор? Может быть тем, что женщина работает в поле от зари до зари? Нет, отвечает Кардинер. Дело, по его мнению, в том, что «мать не находит кормление ребенка особенно приятным занятием. Очень возможно, что это — результат ее раннего опыта, который она переносят теперь на ребенка» (The People of Alor, стр. 177, 548). Становится ясным, почему Кардинер не желает отвечать на вопрос о возникновении «первичных институтов». «Первичный институт» — вечен, он передается от поколения к поколению в результате раз навсегда установленных психофизиологических, бессознательных процессов «раннего опыта». Человек сразу же после рождения неизбежно попадает под формирующее влияние «первичных институтов», потому что его родители в свое время формировались под влиянием этих же самых «первичных институтов» и так далее, и так далее без какого-либо начала, какого-либо возникновения. «Основная личность» представляет из себя, таким образом, психофизиологическую категорию и остается неизменной, сколь бы далеко мы ни прослеживали ее в глубь времен. «В изучении истории, — пишет автор, — мы всегда начинаем где-то не с самого начала (in a continuum) и можем поэтому предположить, что с той минуты, которую мы взяли как наше начало, дальнейшая история будет определяться в известной мере той основной личностью, которая имела в ту минуту» (стр. 414). Мы не знаем, где была логика автора, когда он писал эти слова, но нетрудно догадаться, что он хотел ими сказать. «Первичные институты» возникают где-то «в самом начале» истории, а так как в изучении истории мы всегда начинаем не «с самого начала», а с одного из последующих моментов, то нам нет нужды думать о возникновении «первичных институтов». Поскольку история уже «началась», постольку «первичные институты» передаются от родителей к детям, от детей к внукам, от внуков к правнукам в своем раз навсегда данном виде. Автор не без намерения затенял довольно простой смысл своих собственных слов. Дело в том, что эти слова характеризуют его теорию «основной личности» как психологический вариант расизма. Отказавшись, не без сожаления, от биолого-расистской «теории», он предлагает психолого-расистскую «теорию». Скажем, Джемс Л. не добился ни образования, ни богатства. Но этим дело не кончается, история идет дальше. «Он ставит те же самые проблемы перед своими детьми»; но дети также не добьются «ни того, ни другого», потому что эти проблемы, и сам факт их постановки, и то, что они не

будут разрешены,— все это обусловлено «основной личностью», а «основная личность» — неизменна. С позиций этой «теории» автор критикует американскую «демократию»: «Демократия, которую мы ценим так высоко, является очень нестойкой формой организации. Феодализм, самый нежелательный с нашей точки зрения тип организации, имеет более высокую степень стабильности, чем демократия, так как феодализм поддержан теократией, так как социальное благосостояние не рассматривается как цель, к которой стремится каждый, и так как границы между сословиями (status lines) были закреплены и не могли быть подвергнуты сомнению» (стр. 417).

Политическим идеалом автора является, таким образом, феодальный строй с его наследственной системой сословий, с его религией и т. д. Вся последующая история «западного» общества представляется ему ненужным, вредным искажением этого идеала. Самым пагубным явлением в последующей истории «западного» общества автор считает учение Кальвина и Лютера. До Кальвина и Лютера не существовало, по его мнению, никаких социальных проблем, потому что люди заботились лишь о том, как заслужить спасение в «том» мире. После Кальвина и Лютера люди стали заботиться о благосостоянии в этом мире; это, по мнению автора, «было неизбежным следствием роста науки» (стр. 441) и привело, в конце концов к такому положению, при котором «успех является целью без насыщения, и желание успеха, вместо того чтобы уменьшаться, увеличивается по мере достижения. Цель успеха — это главным образом власть над другими» (стр. 445). Нельзя без улыбки читать горькие сетования автора по поводу того, что «наше общество не может уже надеяться достичь стабильности путем обещания иллюзорных благ (gratifications) после смерти» (стр. 447). Он приходит к выводу, что добиться стабильности «западного» общества можно только путем изменения метода воспитания детей. Более реакционные позиции, более откровенную защиту мракобесия и обскурантизма трудно себе представить.

Внешнеполитическая направленность психолого-расистской «теории», предлагаемой автором, особенно ярко проявилась в поездке Кора Дю Буа на остров Алор. В самый разгар боев между индонезийцами и голландцами Кора Дю Буа приехала «случайно», как она говорит, на этот остров. Культура туземцев этого острова «случайно», по ее же словам, оказалась «похожей на каррикатуру» (The People of Alor, I). Карднер также, повидимому, «случайно» в рецензируемой нами книге утверждает, что туземцам острова Алор присуще «желание быть объектом агрессии и принять диктуемые условия мира» (the desire to have done with the aggression altogether and to accept token forms of placation, стр. 170). Комментарии в данном случае совершенно излишни.

Мы остановились подробно на содержании этой книги, во-первых, потому, что в ее написании приняли участие четыре американских этнографа: Абрам Карднер, Ральф Линтон, Кора Дю Буа и некто, скрывающийся под псевдонимом «Джемс Уэст». Во-вторых, потому, что имеются и другие американские этнографы, взгляды которых не отличаются резко от высказанных в этой книге: Рут Бенедикт, Грегори Батесон, Маргарет Мид, Ирвинг Халлоуэл. И, в-третьих, потому, что Американская антропологическая ассоциация направила недавно в Организацию Объединенных Наций послание, в основу которого положены взгляды этой группы ученых. Таким образом, перед нами не одно лицо и не группа отдельных лиц, а целая школа, которая вполне заслужила название психолого-расистской школы в американской этнографии.

Н. А. Бутинов

НАРОДЫ СССР

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (вып. XIV, М., 1946; вып. XV, XVI, XVII, XVIII и XX, 1947)

В 1946—1947 гг. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР опубликовал шесть выпусков «Кратких сообщений», характеризующих работу не только археологов Института, но и значительного актива, группирующегося вокруг него. Напечатанные в «Сообщениях» статьи свидетельствуют о большом размахе археологических исследований в нашей стране и о широте научных интересов. Сообщения содержат публикации материалов, полученных в результате новых раскопок, и вводят в научный обиход новые исторические источники. Отдельные очерки посвящены новой интерпретации старых вещественных источников или атрибуции отдельных памятников.

Выпуск XIV открывается извлечением из доклада Н. Я. Марра «Древности Ширака», прочитанного в Восточном отделении Русского археологического общества 22 декабря 1892 г. В докладе дан анализ ряда памятников церковного зодчества Армении; он интересен тем, что включает разбор не только архитектуры, но и всех исторических документов, связанных с архитектурными памятниками. Статьи М. Е. Фосс, А. П. Окладникова, П. П. Хороших и Т. П. Сосновского посвящены публикации